

13. *Popko T. G.* Semanticheskaja struktura lokal'nogo predikata v sovremennom frantsuzskom jazyke: Dis. ... k.f.n. Minsk, 1987. 154 s.
14. *Suhaja E. V.* Vyrzitel'nye vozmozhnosti personal'nogo i prostranstvennogo dejksisa v hudozhestvennom povestvovanii (na materiale romana Dzh.M. Kejna «Pochtal'on vseгда звонit dvazhdy») / Problemy lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikatsii. Vyp. 10, 2011. M.: Izd-vo MGOU. S. 267–273.
15. *Tranov A. A.* Lokativnyj sinkretizm v semanticheskoi strukture prostogo predlozhenija sovremennogo frantsuzskogo jazyka: Avtoref. dis. ... k.f.n. M., 1980. 16 s.
16. Chelovecheskij faktor v jazyke: Kommunikatsija, modal'nost', dejksis. M.: Nauka, 1992. 281 s.
17. *Brecht R. D.* Deixis in embedded structures // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. Dordrecht-Holland: D. Reitel Publishing Company, 1974. Vol. 11. № 4. P. 489–518.
18. *Fillmore Ch. J.* Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, Space and Action: Studies in Deixis and Related topics. R. Jarvella, W. Klein (eds.). New-York: John Wiley & Sons, 1982. P. 31–59.
19. Hauff W. Die Geschichte von dem kleinen Muck // Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 345–370.
20. *Hoffmann E. T. A.* Der goldne Topf / Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 133–250.
21. *Hoffmann O.* / Tetzeli von Rosador H.-J., Neyf-Münkel G., Latour B. Wege. Lehrwerk für die Mittelstufe und zur Studienvorbereitung, D. Eggers (Hrsg.). Ismanig: Max Hueber Verlag, 1999. S. 56–57.
22. *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. СПб.: Лань, 1996. 544 с.
23. *Lakoff R.* Remarks on this and that / Berkeley Studies in Syntax and Semantics. L.: The MIT Press, 1974. P. 345–356.
24. *Lind H.* Das Superweib. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. 400 s.
25. *Levinson S. C.* Pragmatik. Tübingen: Niemeyer, 1994. 422 s.
26. *Nöstlinger Ch.* Zwei Wochen im Mai. Weinheim und Basel: Belz Verlag, 1989. 208 s.
27. *Pöppel E.* Orientierung in Zeit und Raum / Gemachte und gedachte Welten. Schiefenhövel W., Vogel Ch., Vollmer G., Opjka U. (Hrsg.). Stuttgart: TRIAS, 1994. S. 71–93.
28. *Tieck L.* Die Elfen / Deutsche romantische Märchen M.: Progress, 1980. S. 49–78.
29. *Zielinski W.-D.* ABC der deutsche Nebensätze. Einführung und Übungen. München: Max Hueber Verlag, 1998. 191 s.

М. Ч. Кремшокалова

МАЛЫЕ ЖАНРЫ УСТНОЙ РЕЧИ КАК КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

Предпринята попытка исследования культурного сознания народа и его ценностных представлений через «малые» жанры устной речи. На примере жанра «тост» в разных языках показана особенность построения текста, его проекция на традиции, прагматику, с одной стороны, а также религиозно-мифологические представления — с другой.

Ключевые слова: речевой жанр, тост, интенциональность, дискурсивное пространство, мифологическое сознание, ценности, оптатив.

М. Kremshokalova

Small Oral Genres as a Culturally Marked Texts

The article explores the cultural consciousness of the people and value conceptions through small genres of speech. On the example of the genre 'toast' in different languages shows a particular feature of the text, its projection on the tradition and pragmatics, and on religious and mythological ideas.

Keywords: *Speech genre, toast, intentionality, discursive space, mythological consciousness, values, optative.*

Культурное существование народа или этноса так или иначе поддерживается языком, а язык, в свою очередь, является своеобразным зеркалом, в котором отображаются глубинные смыслы, ценности и представления народа. В этой связи можно утверждать, что именно язык может быть самой надежной и долговечной оболочкой архаического мировосприятия и мироощущения. Он обладает определенными средствами архивации накопленного опыта и знаний, благодаря чему сохраняется «связующая нить» поколений, формируется этническая общность.

Естественно, картина мира познается и передается через приобщение к языковой (речевой) практике. Но какие именно элементы языка здесь важнее? Ответ на этот вопрос не может быть, на наш взгляд, однозначным. Современная когнитивная лингвистика видит репрезентацию картин мира через лексические единицы и высказывания, которые называются «форматами знания» [8, с. 5]. Некоторые представляют результат процесса познавательной деятельности в конкретных концептах и категориях [3]. Безусловно, концептуальный анализ языковых единиц, прежде всего, лексических, фразеологических и паремиологических, — достаточно интенсивно развивающаяся область науки о языке. Но, наверное, исследования в этой области должны уже строиться на единицах сверхфразового уровня, микро- и макротекстах, что может привести к определенным итогам, а может быть, и к обобщениям в этой области.

В данном исследовании предпринята попытка продемонстрировать своеобразие построения текстов малых жанров устной речи (благопожеланий, тостов, проклятий, поздравлений, благодарности, а также этикетных жанров) и их культурную маркированность. Вместе с тем можно предположить, что данные тексты в застывшей форме отражают определенный период познаватель-

ного процесса и уровень религиозно-мифологического сознания.

Исследование жанров речи в современной генристике

Конец XX и начало XXI века в русской лингвистике ознаменовались пристальным изучением речевых жанров (устных и письменных). С одной стороны, такое внимание к данным текстам можно объяснить развитием теории речевых актов Дж. Остина, с другой, — это научное направление развивало философские и лингвистические концепции М. М. Бахтина, положившие основы теории речевых жанров, но не получившие в свое время широкого распространения, хотя эти две школы развивались параллельно и независимо друг от друга в 50-е годы. В результате соединения двух направлений получилось некое смешение методологических подходов разных школ с различными терминсистемами. Во многих исследованиях одни и те же объекты названы то «речевыми актами», то «речевыми жанрами». Большой вклад в развитие этой теории внесли представители Саратовской и Волгоградской школ, объединившие существующие основные исследования и выпустившие серию сборников по теории и практике речевых жанров. Данное научное направление сейчас получило широкое распространение, но не исчерпало свои возможности.

Современные исследования в области теории жанров практически не обходятся без цитирования работы М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров». Под речевым жанром он понимает относительно устойчивые типы высказываний, которые вырабатываются в каждой сфере использования языка. «Мы говорим только определенными речевыми жанрами», и в то же время «эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [2, с. 215]. Богатство и разнообразие речевых жанров, по мнению М. М. Бахтина, так же необозримо, как неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности.

Бахтинская теория речевых жанров нашла свое продолжение в семантической теории элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой. В ее концепции моделирование каждого жанра происходит «при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего» [4, с. 241]. Как отмечает автор, жанры, выделенные языковым сознанием, отражают общественно-культурный мир, в связи с чем наборы речевых жанров, лексически выделенные языками, могут существенно отличаться.

В современной теории жанров можно отметить несколько аспектов изучения данного предмета: лингвистический (генристика), прагматический (жанроведение), риторический, стилистический, коммуникативный, психолингвистический. Существуют различные школы и центры изучения речевых жанров. Не вдаваясь в подробности всех этих исследований, можно отметить, что, естественно, речевой жанр имеет у каждого исследователя свое определение, в основном корректирующее уже известное, общепринятое, если не иметь в виду достаточно широкое представление К. Ф. Седовым речевого жанра как «универсальной категории лингвистической философии» [1, с. 117]. В основном нет сравнительно-сопоставительных исследований речевых жанров разных языков, особенно тех, которые имеют различные «культурные зоны». Перечень (номенклатура) речевых жанров в языках, в частности, в русском языке, не исчерпан и дополняется постоянно, при этом предполагается, что окончательный список всех речевых жанров представить невозможно, поскольку современные технологии дают возможность появлению нового жанра. Но есть некое общее положение и предположение, что типология жанров может быть проведена, если предложить «аналитический аппарат с универсальной применимостью, обеспечивающий точное сравнение сопоставляемых единиц» [4, с. 249]. Предложенный А. Вежбицкой в роли такого

аппарата язык парафраз, опирающийся на элементарные семантические единицы, не нашел широкого применения в исследованиях жанроведов. Вместе с тем некоторые замечания относительно особенностей жанров в разных языках и культурах, а также попытки обнаружения жанровых соответствий сделаны А. Вежбицкой в начале 80-х годов. Так, она одной из первых обращает внимание на то, что в английском языке выделяется жанр «talk» как неофициальная, но серьезная болтовня, не имеющая аналогов в польском, русском и некоторых других языках. В современных исследованиях данный жанр больше встречается как «small talk», примерно в терминологии Б. Малиновского, описавшего данный вид речи. В то же время хочется добавить, что сами наборы речевых жанров, лексически выделенные языками, можно, конечно, сравнивать, но следует делать это осторожно. Здесь нужно за формальными или номинальными явлениями улавливать дискурсивное пространство, семантические механизмы, интенции, адресованность, а главное, — текстовые структуры и модели. Постараемся рассмотреть это на примере одного жанра — тоста.

«Тост» как застольный жанр в разных лингвокультурах

В застольном этикете мы имеем дело с разными жанрами: со светской беседой, с тостом, с песней, а в некоторых случаях — с приветствием и прощанием. Роль всех этих жанров различна с точки зрения коммуникативной стратегии, ценностных представлений и степени актуализации. В рамках западных культур наиболее нагруженным жанром застолья выступает светская беседа. Как отмечает Л. Кастлер, во французском коммуникативном стиле почти отсутствует обычай, связанный с произнесением тостов во время застолья [6, с. 15]. В английском лексиконе слово тост появляется в XVII веке и связано с произнесением речи, перед тем как выпить вина, хотя изначально слово было связано с обычаем окунать поджаренный на огне ломоть хлеба в

вино или в другой крепкий напиток, чтобы выпитался в него хлебный аромат. Обычай давно утратился, но слово осталось в языке, хотя его значение не соответствует в полном объеме русскому слову тост. Для китайской культуры роль застольных вербальных текстов, как отмечает Ма Яньли, незначительна, но вместо них используется семиотическая система пищевых знаков, выступающих носителем информации и отражающих статусные и личностные взаимоотношения [9]. В русских словарях слово тост зафиксировано в начале XIX в., некоторые лингвисты предполагают, что пришло оно из грузинского языка, как и сам обычай произносить за столом речи. «Поэтому не стоит отрицать тот факт, что, возможно, развитие русских тостов связано и с долговременным соприкосновением с кавказской культурой» [1, с. 152]. Основные ценностные доминанты, репрезентируемые русскими тостами, отмечены как стремления: к процветанию рода, к цельности и счастью семьи, к богатству и благополучию, к успешной карьере, к вечной любви, к дружбе [9, с. 38].

Специалисты подчеркивают следующие особенности русского тоста: 1) риторическое построение, 2) диалогичность с четким указанием адресата, 3) сочетание стандартности и вариативности (импровизации). В рамках семантической теории элементарных смысловых единиц А. Вежбицкая предлагает следующий набор формул для жанра тост.

1) говорю: я хочу, чтобы произошло нечто хорошее для X;

2) представляю себе, что если мы говорим это, выпивая, то это произойдет;

3) говорю это, потому что хочу сказать, что мы питаем добрые чувства к X.

Некоторые исследователи предлагают пользоваться конструкциями оптативов-пожеланий для изучения застольно-торжественного дискурса. М. К. Гусаренко предлагает четыре разновидности таких форм выражения пожелания: 1) Желаю (ем) тебе (Вам)...; 2) Пусть...; 3) Будьте счаст-

ливы...; 4) Я пью за..., Я предлагаю выпить за..., За здоровье... [5, с. 97–101]. При этом она замечает, что не всякий тост может содержать пожелание.

Теперь обратимся к тостам кабардинским. Данный жанр в языке обозначен термином «хох», который определяет все тексты, так или иначе содержащие благопожелание, благодарность, напутствие, поздравление в связи с определенными событиями в жизни. В этот жанр включены все тексты (независимо от их объема), объединенные интенциональными модальными назначениями и, как видно из перечня, в других языках относимые к разным жанрам. Мы можем рассматривать жанр хох как универсальный текстовый механизм, сопровождающий все действия, поступки и даже помыслы человека. Основными критериями при выделении жанра, как и во всех языках, выступают интенциональная модальность, коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, параметр диктумного содержания, языковое воплощение. Важнейшим критерием данного жанра является его интенциональная направленность. В основе любого благопожелания лежит позитивная иллюкутивная модальность, которая способствует эффективному коммуникативному акту. Эти тексты принято произносить по случаю праздников, важных событий в жизни человека или всего социума, на свадьбах, при рождении ребенка, но их не используют на похоронах. Позитивный эмоциональный настрой участников позволяет успешно вести общение и благополучно его завершить. В кабардинском языке важнейшим критерием является интенция, высказанная «с использованием магии слова» (З. М. Налоев).

Если постараться создать формулу кабардинского тоста, то она может выглядеть следующим образом: Мы (я) просим (прошу) Бога, чтобы было.../Дай бог, чтобы жили.../ Пусть Бог сделает так, что (чтобы)... и т. п. Сразу отметим, что местоимение множественного числа предпочтительнее при

произнесении застольного хoha, поскольку Я-предложения (эксклюзивный дейксис) не характерны для данного жанра, демонстрирующего коллективное желание. Но главное и принципиальное отличие — в том, что тексты имеют ярко выраженную, подчеркнутую обращенность к Богу. Если во всех приведенных выше примерах адресат и адресант — определенные участники коммуникативного акта, то в этой культуре — диалог совсем другого типа, который мы определяем как полилог. Во многих случаях произносящий хoh, обращая свою речь к «виновнику торжества» или к другому участнику застолья, высказывает пожелания с тем, чтобы все это было дано ему Всевышним. Во многом структура текста напоминает жанр молитвы, но с важными отличиями, которые касаются того, что хoh — это первичный жанр, использующий определенные форматы и клишированные единицы, но свободно создаваемый, а молитва — вторичный жанр, воспроизводящий имеющийся оригинальный текст.

Истоки возможного свободного диалогового общения людей с богом можем найти в нартском эпосе. По преданиям из нартского эпоса, адыги приобщились к застолью и вину через богов. Боги раз в год приглашали к себе на Эльбрус самого достойного нарта и преподносили ему чашу с вином. «Как и во всем мире, в мифопоэтической и ритуальной традиции адыгов вино является важным атрибутом, нередко реализуясь в текстах в знаковых формах»[12, с. 93]. Во многом ораторское искусство тоже исходило от богов, видимо, в связи с таким мифологическим кластером в культурном сознании остается речевое общение с богом как реальный и возможный речевой акт.

Так, мифологическое представление народа о глобальной связи могущественных сил бога и мира простых людей реализуется через словесное творчество. Сакральные древние тексты хohов подтверждают, что коммуникативные отношения в данном жанре шире, чем отношение говорящего и

слушающего, основным получателем речи является Бог, имеющий возможность смысл этих текстов воплощать в жизнь. Многие тексты начинаются с восхваления всевышнего, что можно считать своеобразным «зацепляющим крючком», позволяющим установить канал связи.

Адресованность речей к Богу прослеживается и в текстах проклятий, построенных по той же модели, что и благопожелания, но интенционально противоположных. Если в благопожеланиях выстраивается предполагаемая система ценностей, которыми, благодаря богу, человек может быть окружен в своей жизни, то в проклятиях он их теряет, лишается по божьей воле. Но к какому богу — языческому Тха или к мусульманскому Аллаху — обращены все тексты? Во всех жанрах (хohах, проклятиях, приветствиях, прощаниях и др.) встречаем вариативное использование языческого и монотеистического наименований бога, при этом в языковом сознании они не дифференцируются как различные божества, и нет определенной дистрибуции упоминания одного бога в одной ситуации и другого — в другой. Они реализуются в качестве единой субстанции, и носители языка, даже не задумываясь, могут в одном предложении использовать оба имени различных по сути богов. Здесь можно говорить о синкретизме религиозного и мифологического (языческого) сознания, что, кстати сказать, является характерной чертой всей культуры кабардинцев. Частотность обращения к богу настолько велика, что во многих устных речах встречается неоправданное (несемантизированное) использование его имени. Так, в ответах на какие-то вопросы в гендерно маркированной речи женщин часто вставляется слово бог без обращения или соотнесения с ним. На наш взгляд, вставка подобного слова придает фразе некую утвердительность или уверенность (например, *Тха, не брала*), а слово ведет себя как междометное. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что адресованность речей к богу выступает

как интердискурсивный компонент, характеризующий многие тексты устной речи как единые в мифологическом сознании.

Попутно заметим, что обращение к Богу в малых жанрах характерно и для многих других языков. Например, в английском языке, как отмечают Т. Ю. Сазонова и И. С. Бороздина, ритуальное пожелание *good-bye* «до свидания» восходит к более древнему *godbwyе < God be with ye* «Да пребудет с вами Бог!». «В то же время носители английского языка вряд ли осознают религиозно-магическую основу слов, используемых при прощании, равно как и носители современного русского языка при использовании выражения *<Спаси Бог>*» [10, с. 30]. В кабардинских приветствиях также встречается Бог, но он — осмысливаемый, актуализированный в той или иной мере, например, на выражение «Добрый день» принято отвечать «Дай тебе Бог доброго дня». Механизм построения приветствий и прощаний примерно напоминает жанр застольного текста хох, в котором оптативы-пожелания исходят от говорящего к Богу и к адресату одновременно. Интересно также заметить, что в некоторых случаях отправитель пожелания может не субъективизироваться, его действительно не маркируют, когда, например, фраза построена по модели «Дай тебе Бог...», характерной для многих пожеланий, в том числе и застольных тостов. Кстати, вернемся к ним.

Важное место в данном жанре имеет личность экспедитора речи (образ говорящего), поскольку от его морально-нравственных характеристик зависит, будет просьба реализована или нет. Мастерство тамады оценивается не только искусством произнесения тостов, но также талантом направления и управления застольными речами. Привычные для современного общества светские беседы не всегда уместны в традиционных кабардинских застольях, поскольку основные речи произносятся старшим, и именно он определяет темы разговора и их оценку. Своеобразное тоталитар-

ное управление застольной коммуникацией устраняет хаос, определяет доминантные направления течения речей. Личность говорящего, которая является здесь сама по себе абсолютной ценностью, выводится на приоритетную позицию, поскольку он является носителем культурных ценностей и формирует нравственные устои. В связи с этим он должен знать и передавать слушателям (сидящим за столом) различные назидательные истории, легенды, хабары, касающиеся ситуаций нравственно-этического выбора в нестандартной обстановке (например, выбор между жизнью / смертью или родственниками / друзьями), проявления подвига в простой жизненной ситуации и т. д. Многие бытовые, военные, астрономические и другие знания можно черпать из речей мудрецов за столом. Именно поэтому считается, что застолье воспитывает человека, дает ему урок жизни.

В определенном смысле можно утверждать, что в застольных тостах моделируется будущее через систему ценностных представлений, сформулированных в речах. Основными из этих ценностей можно назвать благополучие в семье, достаток, обеспеченный хорошим урожаем, плодovitостью скота и птицы, изобилием вина (символом плодородия), уважение старших, воспитание достойных детей, мирное сосуществование женщин в доме и их трудолюбие, гостеприимство, почитание духов предков и др. В иерархии ценностей на первое место, наверное, следует поставить дом, семью, о которых обычно говорят в начале тоста, а во многих случаях пьют отдельно за дом. В отличие от русских тостов, в кабардинских отсутствует предложение выпить за красоту женщин и любовь не потому, что они отвергаются культурным сознанием, но их ценностное значение не декларируется (опять-таки из мифологических представлений: чтобы не сглазить). Надо отметить, что гендерные отношения не провозглашаются и не обсуждаются и во многих устных жанрах.

Если русские тосты обычно содержат оценку человека по прошлым и настоящим событиям, то кабардинские содержат в основном обращение к будущему. Футуристическая направленность речей — одна из важнейших черт данного жанра. Здесь можно говорить о том, что эти речи моделируют позитивное будущее, и коллективное сознание поддерживает эту перспективу, присутствующие являются соучастниками такого направления речей, а впоследствии и действий.

Несомненно и то, что данные речи обладают огромной силой воздействия на слушающих. Суггестивная направленность данного жанра предопределена прежде всего лексическим наполнением текста, интонацией, иллокутивными и перлокутивными модальностями, а также некоторыми обрядовыми действиями, сопровождающими речевые акты, всеобщей поддержкой, согласием с высказанным текстом. Застольные речи реализуют интегрирующую функцию, так как совместное принятие пищи скрепляет социальные связи, представляя собой магический консолидирующий акт, в высшей степени актуальную, богоугодную форму социальной связи. Хотя в застольном этикете магические действия как таковые отсутствуют, но существует словесная магия, подкрепленная коллективным сознанием участников данного общения. Адресованность хохов Всевышнему, а также ответные реплики, содержащие благопожелания самому говорящему (например, «Алыхьым жи1э», «Тхьэр аразы кьыпхухьу» — «Дай бог», «Пусть бог будет к тебе благодушен»)

переводят плоскость общения на совершенно неземной уровень, придают коммуникации сакральный характер. Интересно отметить, что такое общение не навязывается участкам коммуникации, а, наоборот, разделяется всеми участниками, в каком-то смысле конвенционально присутствует в сознании носителей культуры.

Таким образом, на примере отдельного жанра можно проследить, что всякая речь лежит в плоскости культурного и языкового сознания. Она отражает традиционные представления о возможности построения и применения текста с учетом дискурсивного пространства, т. е. условия и ситуации применения речи, ее прагматики. Малые жанры устной речи, по утверждению Н. О. Кирилловой, — это явления двусторонние в сущностном отношении. Речевой жанр «одной стороной обращен к прагматической ситуации, т. е. к сфере денотативной, другой — к ментальным процессам коммуникативной ситуации, т. е. к сознанию участников коммуникации» [7, с. 115]. Предметная и ситуативная соотнесенность являются основными чертами речевых жанров, поскольку они — самые «живые», динамичные проявления языка. В то же время набор речевых жанров и правил их построения в каждом языке специфичны и предопределены культурными традициями, соотносимыми с ценностными представлениями. Религиозно-мифологическое сознание находит широкое отражение в первичных устных речевых жанрах, в связи с чем мы можем использовать эти тексты в аспекте когнитологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова Е. М.* Тост как первичный речевой жанр в современной концепции научного знания // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 151–155.
2. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. С. 197–236.
3. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
4. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. С. 237–249.

5. *Гусаренко М. К.* Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

6. *Кастлер Л.* Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия // Агрессия в языке и речи: Сборник научных статей. М.: РГГУ, 2008. С. 9–18.

7. *Кириллова Н. О.* Речевой жанр в метафорической интерпретации // Язык — текст — дискурс: традиции и новаторство: Материалы международной научной конференции. Самара, 2009. Ч. 1. С. 115–118.

8. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

9. *Ма Яньли.* Застольный ритуал и концепт «застолье» в китайской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

10. *Сазонова Т. Ю., Бороздина И. С.* Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 27–33.

11. *Седов К. Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов, 1999.

12. *Ципинов А. А.* Мифопоэтическая традиция адыгов. Нальчик, 2004.

REFERENCES

1. *Arhipova E. M.* Tost kak pervichnyj rechevoj zhanr v sovremennoj kontseptsii nauchnogo znanija // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2010. № 3. S. 151–155.

2. *Bahtin M. M.* Problema rechevyh zhanrov // Sotsial'naja psiholingvistika: hrestomatija. M.: Labirint, 2007. S. 197–236.

3. *Boldyrev N. N.* Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistik i// Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. S. 18–36.

4. *Vezhbicka A.* Rechevyje zhanry // Sotsial'naja psiholingvistika: hrestomatija. M.: Labirint, 2007. S. 237–249.

5. *Gusarenko M. K.* Diskursivnye raznovidnosti, perlouktivnaja pragmatika i propozitsional'nye harakteristiki rechevogo akta pozhelanija v sovremennom russskom jazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2005.

6. *Kastler L.* Negativnaja i pozitivnaja vezhlivost': razlichnye strategii rechevogo vzaimodejstvija // Agres-sija v jazyke i rechi: Sbornik nauchnyh statej. M.: RGGU, 2008. S. 9–18.

7. *Kiril'lova N. O.* Rechevoj zhanr v metaforicheskoj interpretatsii // Jazyk — tekst — diskurs: traditsii i novatorstvo: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Samara, 2009. Ch. 1. S. 115–118.

8. *Kubryakova E. S.* V poiskah sushchnosti jazyka // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2009. № 1. S. 5–12.

9. *Ma Jan'li.* Zastol'nyj ritual i kontsept «zastol'e» v kitajskoj i russskoj lingvokul'turah: Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005.

10. *Sazonova T. Ju., Borozdina I. S.* Soderzhanie prostranstvennyh kontseptov kak otrazhenie kul'turnogo znanija // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2010. № 2 (023). S. 27–33.

11. *Sedov K. F.* Stanovlenie diskursivnogo myshlenija jazykovoju lichnosti. Saratov, 1999.

12. *Tsipinov A. A.* Mifojepeicheskaaja traditsija adygov. Nal'chik, 2004.

З. М. Чемодурова

ИГРОВАЯ СТРАТЕГИЯ «ПРИОСТАНОВКИ» СЮЖЕТНОГО ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Рассматривается проблема моделирования художественного времени в постмодернистских художественных текстах, изучаются механизмы создания фрагментированного постмодернистского повествования, обуславливающие временной дисконтинуум, многочисленные нарушения причинно-следственных связей, характерные для фикциональных миров постмодернизма.